

* * *

...Как собеседника на пир...

Ф. Тютчев

Как громок мир! Он нынче пьян,
Хлебнувши и страстей, и мўки...
...А что на пир я тоже зван,
Дошло лишь через третьи руки.

Кривлялась власть, вихлялась страсть,
Хмельно история шумела,
Звала пожить – захлёб и всласть,
Но пировал я неумело.

Ещё не кончивши пути
В земной потёртой оболочке,

Я был не волен не прийти,
Но грыз сухарь свой в уголочке.

Витиям, на ухо тугим,
И так в застолье места мало...
Я был чужим, другим – другим,
Не сказанным словам внимая.

И мир хмельной, и мир больной,
Которому Господь неведом,
Не беседовал со мной,
А – одарить пытался бредом!

И я, покуда век внимал
Его речам и тостам пышным,
Не чарку – очи поднимал
Горè, своё шепча чуть слышно...

РИСКА

Всё та же вроде ценностей шкала,
Но там, где смутой сбиты, стёрты риски,
Ты вместо звёзд рисуешь купола,
Он вышки ставит вместо обелисков.

И рвут сердца, и застыт нам глаза
То Мавзолей, то лет расстрельных мощи.
Но риску, что и мой отец врезал
В сороковых, я нахожу на ощупь...

И вновь они встают передо мной,
Согретые победным алым стягом,
Не ставшие ни страхом, ни виной:
Звезда, и серп, и молот над рейхстагом.

СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА

В истошном крике заполошном,
В ста тысячах визгливых «я»
Ни прошлое не станет прошлым,
Ни будущим не станет явь.

Не верю правде беспощадной
Стихий, что рвут тела плотин.
Не верю правоте площадной
Ни топоров, ни гильотин.

России нужно стать собою,
И нет значительней идей...
И звать не к топору – к собору
Народ с кипящих площадей.

И помнить, что собор ближайший
В Москве, сто раз горевшей, там,
Где, молча, Минин и Пожарский
О нас рассказывают нам.

МИСТРАЛЬ

Их, крутящихся пылью под бурей,
Размело на двенадцать стран...
Но мистраль, в окна бившийся к Бунину,
Был польнёю воронежской пьян.

И палило ли сердце, сквозило ли,
Строки слепо светлели лицом
Рядом с теми худыми лозинами,
Что остались в снегах под Ельцом.

P. S.

Идёшь, на меня похожий...

М. Цветаева

Крапива жива – стрекаясь,
Похожая на траву...
Я пальцами резких пауз
Ткань речи на смыслы рву.

Безумствую ли, бунтую?
Не вызвавший – не перечь!
Я этим рваньём бинтую,
Что в слове нельзя сберечь....

Что строчками не рябило
На выстуженном листе,
Темнело лицом рябины
Сквозь раны её кистей.

И всё, что сквозь бинт сочится,
Алеет сквозь рвань темно,
С тобой или с ним случится,
И будет судьбе равно.

Святою водой кропили...
Зашили травой уста...
А я всё кричу крапивой,
Кладбищенскою крапивой,
Касающейся креста...

* * *

Слабеет темнота заплечная.
Где вяз в воде, где берег крут,
Сазаны, выходя со «свечками»,
Седой заре поклоны бьют.

И с кручи дуб глядит Добрынею,
Хоть край живую ниткой шит
Его корней... И жизнь обрывную
Подмытый берег не страшит.

Она листвы полёт над кручею
Зажала в жёлуде литом.
И желваки гоняет кручево
Угрюмоглазых омутов...

ЯГОДЫ

Памяти, восторгу и стыду
Прошное летит в глаза половой.
«Вертолётник» крутится кленовый.
Спеет тёрен в Крюковом саду.

В парке школьном лист кленовый шит
Золотом... Но манит дикость сада.
Тёрен, что морозцем тронут, сладок,
Хоть и рвёт рукав терновый шип.

Стынет шёпот: «Ветку наклони...»
Я клоню, клоню, клоню, а после...
Смотрит юность девочкою взрослой –
Зябко ей! Ведь мы в саду одни.

Почему она опять молчит?
Неужели ничего не скажет?
Тёрен сладок, только губы вяжет,
И во рту потом всю жизнь горчит.

Порошит бывшее – до слезы,
Как ни щурься – встречу летит половой.
Выцвел, вымерз тот листок кленовый,
Но всё так же ягоды сизы...